

Э. КОНДУРАКИ

О НАТУРАЛЬНОМ И ДЕНЕЖНОМ ОБМЕНЕ
В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ IV—V вв.

Трудно найти в исторической науке вопрос более спорный, чем вопрос о последнем периоде рабовладельческого общества, или (если ставить его уже, но конкретнее) вопрос о падении Римской империи. На протяжении двух веков новая историография античности рисовала печальную картину падения древнего мира, в которую она привносила с большей или меньшей решительностью тревоги, присущие современному обществу. Историки мятежного XVIII в. — века отрицания, подчеркивали разлагающую роль христианской религии, ускорившей процесс распада античного общества. Историки второй половины XIX в., и в первую очередь Отто Зеек, искали общее объяснение причин падения Римской империи в «исчезновении избранных». Кризис европейского империализма в первых десятилетиях XX в. отразился в появлении мнимосоциологических концепций, перекликавшихся со взглядами Освальда Шпенглера, книга которого «Закат Европы» полна тревоги за судьбы капиталистического мира, ожидающего своего конца. Тогда же появились попытки доказать, что никакого упадка общества в начале нашей эры будто бы в действительности не наблюдалось. Эта тенденция и породила работы А. Допша и А. Пиренна, по мнению которых античность существовала неизбежно до эпохи Каролингов или, по крайней мере, до того момента, когда арабские завоевания разорвали единство средиземноморского мира. «Natura non facit saltus», — заявил несколько позже Фердинанд Лот, а Эрнст Штейн в своей книге «Geschichte des spätrömischen Reiches» повторил идею, прежде высказанную Гиббоном, а именно, что Римская империя существовала в греческом обличии еще тысячелетие — вплоть до падения Константинополя¹.

Когда и — в особенности — каким образом произошел переход от античности к средневековью, иными словами, от одной социально-экономической формации к другой, — на этот вопрос можно ответить удовлетворительно, только учтя всю совокупность явлений, составлявших экономический базис и надстройку того и другого общества.

Лишь марксистская историография в состоянии решить проблему перехода от древнего мира к средневековью — разумеется, если она будет

¹ O. S e e k. Geschichte des Untergangs der antiken Welt, Bd. I—II. Stuttgart, 1921; A. D o p s c h. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung, Bd. I—II. Wien, 1923—1924; i d e m. Naturalwirtschaft in der Weltgeschichte. Wien, 1940; H. P i r e n n e. Un contraste économique: Mérovingiens et Carolingiens. Revue belge de phil. et d'hist., v. II, 1923, p. 223 sq.; i d e m. Mahomet et Charlemagne. 3 me éd. Paris—Bruxelles, 1937, p. 96; F. L o t. La fin du monde antique et le début du Moyen âge. Paris, 1927, p. 96; E. S t e i n. Geschichte des spätrömischen Reiches, Bd. I. Wien, 1928, S. 23.

основываться на всех тех фактах, которые стали доступны в настоящее время. Факты эти нередко установлены благодаря частным исследованиям той самой буржуазной историографии, которая показала себя неспособной дать общее решение этой трудной проблемы. Исходным пунктом марксистской историографии в этом вопросе является анализ производственных отношений, составляющих самую суть римского рабовладения, а не рассмотрение изолированных фактов, сколь бы важны они ни были. Следует отметить, что успехи эпиграфики, а также некоторых других вспомогательных исторических дисциплин заставили даже буржуазных ученых в последнее время несколько расширить предмет исследования и признать, что многие из явлений, которые прежде ошибочно считались характерными только для Рима, имели в действительности более широкое распространение. Как пример можно привести работу Ф. Альтгейма, в которой — правда, уже после трудов советских ученых — отмечено сходство некоторых процессов, происходивших в период кризиса античного мира, с тем, что имело место в истории царства Сасанидов и «поднебесной» Китайской империи². Но Ф. Альтгейм не сделал, вернее сказать, не мог сделать обобщающих выводов о развитии человеческого общества и о переходном периоде от рабовладельческого строя к феодальному.

Из всего сказанного выше становится ясным, почему проблема перехода от античности к средневековью находится в центре внимания советской историографии, давшей за последние пять лет ряд ценных исследований, которыми отныне нельзя будет пренебречь, независимо от того, смогли ли их авторы или нет окончательно разрешить тот или иной вопрос, связанный с последним периодом истории древнего мира. Я имею в виду дискуссию, развернувшуюся с 1953 г. на страницах журнала «Вестник древней истории», в которой приняли участие Е. М. Штаерман, Е. Э. Липшиц, А. Р. Корсунский, А. Г. Гемп, С. И. Ковалев, А. П. Каждан, М. Я. Сюзюмов, Э. В. Удальцова и др.

Как сами статьи, так и предварительные выводы, сделанные редакцией журнала в первом номере за 1956 г.³, показывают, — да это и совершенно естественно, — что в основном советские историки придерживаются общей точки зрения и утверждают, что зарождение первых элементов будущих феодальных производственных отношений имело место в недрах рабовладельческой Римской империи, но в оценке отдельных сторон исторического процесса IV—V вв. они значительно расходятся. Например, пока еще в среде советских историков не нашел единодушного разрешения вопрос о существовании мелкой земельной собственности в Римской империи, и тезису о ее укреплении в IV—V вв. противостоит другой тезис: в эту эпоху имел место рост крупной земельной собственности как в результате захватов владений мелких деревенских собственников, так и за счет земель, принадлежавших городским жителям, в первую очередь декурionsам. В таком же положении находится и еще более сложный вопрос о степени созревания феодальных производственных отношений в недрах рабовладельческого общества. Нельзя не признать несколько схематичным и тот классовый анализ римского общества, который мы видим у некоторых советских историков, различающих зависимое крестьянство, очень ограниченное число свободных крестьян, куриалов — единственных рабовладельцев в классическом смысле слова — и, наконец, крупных феодализирующихся земельных собственников. Пока еще также остается недостаточно разработанным вопрос о характере социально-экономических отно-

² F. Altheim. Die Krise der antiken Welt, Bd. I. Berlin, 1943.

³ См. „Проблема падения рабовладельческого строя“, ВДИ, 1956, № 1, стр. 3—13, и указанную там литературу.

шений в варварском мире — вопрос, которому справедливо придавал большое значение Ф. Энгельс. За исключением статьи М. Я. Сюзюмова, этот вопрос — один из основных для истории переходного периода от античности к средним векам — не был нигде рассмотрен во время дискуссии.

К числу проблем, совершенно не затронутых в ходе дискуссии, относятся и намеченный мною для исследования вопрос, который до сих пор вообще не привлекал, за одним исключением⁴, специального внимания историков, а именно вопрос о натуральном и денежном обмене в IV—V вв. н. э.

Прежде чем перейти к изложению вопроса, я считаю необходимым сделать несколько предварительных замечаний, чтобы тем самым точнее определить задачи данной статьи — выводы которой я расцениваю в большинстве случаев как рабочую гипотезу — и ее место в той дискуссии, которая была начата советскими учеными.

Во-первых, нужно сказать об общем значении поставленной проблемы. Беря в качестве исходного пункта своих исследований *обращение* товаров, а не *производство* их, буржуазная историография приходила к выводу, что в общем экономическом процессе существуют только три ступени: натуральное хозяйство, денежное и кредитное. Опровергая эту теорию, которая ошибочно считалась приемлемой для всех эпох, Маркс доказал, что она отрывает друг от друга формы обращения, присущие одному и тому же способу производства, отождествляя в то же время формы, принадлежащие различным способам производства⁵. В античном мире обмен существовал в течение веков рядом с отсталыми формами натурального хозяйства, унаследованными от предшествующей эпохи. И по мере того, как развивалось денежное хозяйство, оно становилось все более и более характерной чертой рабовладельческой экономики. Поэтому большая или меньшая интенсивность денежного обращения является одним из самых ярких показателей того, находится ли экономическая и социальная структура общества, присущая рабовладельческому строю, еще в состоянии расцвета или она уже затронута процессом разложения. С этой точки зрения мы и подойдем в данной статье к исследованию некоторых вопросов, связанных с монетной системой или денежным обращением IV—V вв. Полученные таким образом наблюдения помогут решить, насколько правомерно утверждать, что в этот период еще господствовали отношения, присущие рабовладельческому строю, и в какой степени можно констатировать определенные черты — более или менее четкие — рождающегося феодального строя.

Исследование поставленной нами проблемы имеет значение и для решения еще некоторых других вопросов, поднятых в ходе дискуссии, начатой советскими исследователями. В частности, это исследование может способствовать лучшему пониманию способов, при помощи которых римская рабовладельческая надстройка активно содействовала сохранению форм обращения, присущих рабовладельческому обществу, в противовес таким явлениям, которые означали развитие в недрах Римской империи предпосылок будущего феодального строя.

⁴ Исключение, о котором я упомянул, — это труд S. Mazzarino. *Aspetti sociali del quarto secolo* (Roma, 1951), интересный и тем, как в нем поставлен вопрос, и теми общими социально-политическими выводами, которые там сделаны и к которым нам еще придется вернуться. Это исследование итальянского ученого было упомянуто на X Международном съезде историков в числе важных работ, вышедших за последние годы (см. W. Seston. *Die Constantinische Frage. Relazioni del X Congresso internazionale di scienze storiche*, vol. II. Firenze, 1955, p. 434—436; ср. vol. VI, p. 791).

⁵ См. К. Маркс. *Капитал*, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 121 сл.

После этих предварительных замечаний можно перейти к рассмотрению некоторых важных для нашей цели материалов. Прежде всего нужно ознакомиться с состоянием средств обмена, т. е. с римской монетной системой, в начале IV в. н. э. Тут особенно важен период Диоклетиана, а также и Константина I, завершившего денежную реформу. Золотая монета — *aureus*, — при Диоклетиане составлявшая $\frac{1}{96}$ римского фунта времен Нерона (3,41 г), при Константине весила $\frac{1}{72}$ римского фунта, т. е. 4,55 г (*solidus aureus*). Серебряная монета времен Диоклетиана весила 3,41 г — $\frac{1}{96}$ фунта и называлась *siliqua*, *argenteus minutulus* или *denarius communis*. Серебряные монеты другого типа имели тот же вес (4,55 г), что и *solidus aureus*, и носили название *miliarensis*, *rescupia maior* или *maiorina*; их стали чеканить при Константине I. Что же касается медных монет, их вес изменялся на протяжении всего IV в. (так, уже в эпоху Константина *pummus centenionalis* или *centenionalis communis* варьировал между 3,55—2,60 г), но еще Диоклетиан установил их соотношение с золотой монетой, а именно золотой фунт равнялся 50 000 *pummi minutuli*. В то время как при Диоклетиане единственное точно установленное соотношение было между золотой и медной монетой, а серебряная монета — по справедливости названная бедной родственницей — находилась в неустойчивом положении, в эпоху Константина и она обретает свое место среди монет, утвержденных и защищаемых законами империи. Соотношение между золотом и серебром устанавливается как 1 : 13,88⁶.

В свете этих данных нам легче будет определить, во-первых, в какой степени состояние наших источников позволяет установить преобладание денежного обращения или же, наоборот, преобладание натурального обмена в империи в IV—V вв.; во-вторых, имеем ли мы действительно дело с такой монетной политикой, целью которой было покровительствовать традиционной римской форме экономической жизни в противовес все более развивающимся формам натурального обмена, отчетливо заметным уже в конце III в. н. э.

Что касается первого вопроса, необходимо напомнить результаты исследований, предпринятых Г. Миквицем, М. Блоком, А. Пиганьолем, Г. ван-Вервеке⁷ и в последнее время Маццарино. Автор данной статьи разработал также некоторые частные вопросы этой проблемы в труде, опубликованном около 20 лет тому назад⁸.

Результаты, к которым пришли все вышеуказанные историки и экономисты, дают нам возможность говорить о том, что в IV—V вв. н. э. имела место своего рода «стабилизация» денег и денежного обращения. Во избежание путаницы или модернизации истории античности, против которых я сам же предостерегал в начале статьи, спешу добавить, что

⁶ E. Babelon. *Traité des monnaies grecques et romaines*, v. I. Paris, 1901, p. 530, 565, 566, 574, 610, 612; K. Pink. *Die Goldprägung des Diokletians und seiner Mitregenten*. Num. Zeitschrift, Bd. LXIV, 1931; idem. *Die Silberprägung der Diokletianischen Tetrarchi*. Ibid., Bd. LXIII, 1930.

⁷ G. Mickwitz. *Geld und Wirtschaft im römischen Reich des vierten Jahrh. n. Chr.* (Societas Scientiarum fennica. Commentationes humanarum litterarum, vol. IV, № 2). Helsingfors—Leipzig, 1932; A. Piganiol, in: *Annales d'histoire sociale*, VII, 1945; idem. *Le problème de l'or dans le monde antique* (ibid., VI, 1935, p. 235); M. Bloch. *Le problème de l'or au moyen âge*. *Annales d'hist. econ. et soc.*, vol. V, 1933; H. van Wervecke. *Économie-nature et économie argent*. Ibid., vol. III, 1931, p. 428; A. Piganiol. *Le problème de l'or au IVe siècle*. *Ann. d'hist. soc.*, 1945, 47.

⁸ E. Condurachi. *La politique financière de l'empereur Julien*. Acad. Roum., Bull. de la sect. hist., vol. XXII, 2, 1941, p. 85 sq. К сожалению, как об этом будет сказано в дальнейшем, эта работа не только устарела в настоящее время, но и с самого начала была основана на неправильных методологических принципах.

в данном случае речь идет об экономическом явлении, соответствовавшем действительности той эпохи и ограниченном во времени и месте специфическими условиями греко-римского рабовладельческого общества. Для большей ясности нужно сказать, что суждения тех ученых, которые считают, что вследствие денежной реформы Диоклетиана и Константина римская монета приобрела не только более твердый курс, чем обесцененная монета III в. н. э., но и более широкое применение в коммерческих сделках того времени, вполне обоснованы. Г. Миквицем приведены убедительнейшие доводы относительно римской Африки; А. Пиганьолем использованы для этой цели многие отрывки из «Кодекса Феодосия». Изучение египетских папирусов римско-византийской эпохи позволило недавно Л. Уэсту и А. Ч. Джонсону внести очень ценные уточнения⁹, хотя общее направление их труда в своей основе ошибочно. Значение всех этих материалов, свидетельствующих о расширении денежных оборотов, становится еще более выразительным, если сопоставить их с красноречивым списком подарков в натуре, которые в III в. получал Валериан (по словам его биографа в *Scriptores Historiae Augustae*), когда он (еще до того, как стал императором) был наместником провинции.

В свете сказанного необходимо расценивать и такие попытки регламентации, более или менее обширные, более или менее действенные, как, например, *Edictum de pretiis rerum venalium* (301 г.) или декрет императора Юлиана (362 г.), сохранившийся на одной из надписей в Тимгаде¹⁰. Речь идет о том, что, скажем, знаменитый «Эдикт о ценах» должен быть использован не только для выяснения ряда деталей экономической жизни империи¹¹, как это давно уже делается историками, но и для решения основной поставленной нами проблемы. Изучая этот и ему подобные документы, надо, следовательно, всегда иметь в виду, что одновременно с денежной реформой, которая ввела в обращение огромные массы денег, правительство и другими средствами стремилось стимулировать ту форму обмена, которая являлась характерной для греко-римского рабовладельческого общества, а именно денежную. В этой связи особенно следует обратить внимание на то, что в императорских законах IV в. именуется *adaeratio*, т. е. на перевод натуральных платежей и повинностей в денежные. Что касается применения *adaeratio* в эпоху императора Юлиана, то в моей упомянутой выше работе я привел об этом некоторые новые сведения¹². Я хочу теперь еще раз вернуться к этому вопросу и напомнить некоторые наиболее важные выводы, полученные мною, чтобы, в частности, отметить, насколько я тогда ошибался в истолковании общих проблем, и показать, как я считаю нужным решать их теперь.

Как и Г. Миквиц, автор этих строк считал тогда, что замена натуральных платежей денежными была таким мероприятием, которое соответствовало интересам населения Римской империи в последние века ее существования, и что такая форма платежа пресекала произвол полчищ финансовых агентов — *exactores* и *actuarii* и защищала плательщиков, в особенности когда речь шла о поставках хлеба, корма, лошадей и новобранцев, не говоря уже об основном налоге — *capitatio-jugatio*. Я стремился даже в этой связи дать объяснение тому мнимому предпочтению, которое, мне

⁹ L. C. West, A. Ch. Johnson. *Currency in Roman and Byzantine Egypt*. Princeton, 1944.

¹⁰ Th. Mommsen. *Ordo salutationis sportularumque sub Imperatore Juliano in provincia Numidia*. Eph. Epigr., 5, 1884, p. 629 sq.

¹¹ Или, точнее говоря, ее восточных провинций, к которым он непосредственно относился, хотя теоретически его распоряжения имели силу на всей территории.

¹² E. Condurachi. *Op. cit.*, p. 134.

казалось, налогоплательщики должны были оказать системе *adaeratio*. Я писал тогда следующее:

«С первого взгляда это может показаться странным. Земельные собственники и колонны были обязаны сдать ежегодно определенное количество продуктов, установленное независимо от урожая; по существу, следовательно, им очень редко приходилось платить одинаковый налог. В высокоурожайные годы, когда цена падала, они должны были вносить как налог определенное количество сельскохозяйственных продуктов. Но тем более страдали они в плохие годы, когда, несмотря на возросшие цены, им приходилось давать такое количество продуктов, стоимость которого превосходила во многом действительную сумму налога, поскольку оценка этих продуктов никогда не производилась в интересах плательщиков.

Ясно, что в таком случае люди предпочитали платить налог в денежной форме, поскольку тем самым устанавливалось более устойчивое и вместе с тем более терпимое соотношение между размерами производства продуктов и налогами. В плохие годы цены на продукты возрастали, и, несмотря на плохой урожай, денег хватало на оплату налогов. В урожайные годы цены падали, но избыток продукции восстанавливал равновесие. Этим объясняется тот факт, что в последние века существования Римской империи население постоянно требовало возвращения к денежной оплате налогов. Кроме того, эта система имела то преимущество, что препятствовала проявлению произвола. Возможность произвола и объясняет, по крайней мере в некоторой степени, сохранение системы натуральной оплаты, которая была выгодна в первую очередь сборщикам налогов и военачальникам, но отнюдь не населению. Продукты, превышавшие личные нужды получателей налогов, или жалованье, выплаченное в натуре, могли быть проданы в подходящий момент, но уже по куда более высокой цене, чем та, по которой они были оценены при сдаче в счет налога»¹³. На самом деле сделанные мною в этой работе ссылки на ряд мер, принятых императором Юлианом для ограничения произвола при применении системы *adaeratio*, т. е. при замене натуральных платежей денежными, отнюдь не обосновывали только что процитированное мое утверждение. В ту пору, когда я писал эти строки, я еще не отдавал себе отчета в позиции того класса, который вдохновлял политику императоров; кроме того, я был неправ, рассматривая налогоплательщиков как единую категорию по отношению к императорскому фиску. Ограниченность идеалистического понимания истории помешала тогда автору увидеть, насколько ошибочна та концепция, которую он разделял, и те выводы, к которым он примкнул. Ясно, что уплата налога в натуре больше соответствует интересам плательщиков, тогда как *adaeratio* ни в каком случае не могла означать снижения фискальных обязанностей, ложившихся на плечи мелких производителей; наоборот, она явилась достаточно ощутимым бременем.

На основании других документов, касающихся эпохи Константина I и его преемников, почти к такому же выводу, а именно, что система *adaeratio* была более обременительна, чем натуральные платежи, пришел и Маццарино. Он привлек для доказательства этой мысли свидетельство анонимного автора книги «*De rebus bellicis*», который утверждал, что бедность (*afflicta paupertas*), в которой пребывают *tepiores*, побуждает их к мятежу, и подчеркивал, что это положение, ставшее невыносимым, было порождено денежной политикой императора Константина¹⁴. Следует запо-

¹³ E. Condurachi. Op. cit., p. 132.

¹⁴ Ср. E. A. Thompson. A Roman informer and inventor. Oxford, 1952.

мнить объяснение итальянского ученого, согласно которому изобилие медных и бронзовых монет приводило к значительной неустойчивости цен, что ставило *tepuioges* под угрозу полного разорения, так как их доходы и жалованье выплачивались этой монетой, в то время как состояния крупных земельных собственников и кучки городских богачей оставались в полной сохранности, ибо в их основе лежало огромное количество накопленных золотых монет. Мы можем даже пойти еще дальше, чем предполагал итальянский ученый, по указанному им пути. Можно добавить, что разрыв между медной и золотой монетой — одна из внутренних пружин диоклетиановой реформы — все более и более углублялся в силу двух причин: с одной стороны, благодаря все более и более резким колебаниям курса медной монеты (*pummus centenionalis*), а с другой стороны, в результате роста стоимости золотой монеты на всем протяжении IV и V вв. Это способствовало резкому делению населения городов на привилегированное меньшинство богачей и нищее большинство эксплуатируемых.

Мне приходилось останавливаться на этом явлении в заметке, опубликованной в 1942 г.¹⁵, и этот тезис был подтвержден еще более убедительными данными, привлеченными историком А. Пиганьолем в статье, опубликованной в 1945 г.¹⁶ Не входя в детали, мы позволим себе напомнить полученные нами выводы статистического характера, чтобы тем самым подчеркнуть бессилие буржуазной историографии понять все значение данных, которые она в состоянии установить, но не может правильно интерпретировать. Указом от 19 февраля 397 г.¹⁷ устанавливалось, что один фунт серебра приравнивался к 5 *solidi aurei* вместо 5,54, как это было установлено Константином I в 312 г. Соотношение между золотом и серебром стало, следовательно, не 1 : 13,88, а 1 : 14,40. Это доказывает, что в конце IV в. стоимость золота существенно возросла по сравнению со стоимостью серебра и меди. Через 25 лет, в 422 г., один фунт серебра стоит уже 4 *solidi aurei*¹⁸, т. е. соотношение между золотом и серебром становится 1 : 18. Этот факт весьма многозначителен, и, разумеется, никто из исследователей, занимавшихся этим вопросом, не мог не видеть, насколько ненормальным было соотношение между стоимостью различных металлов и к каким тяжелым последствиям это могло вести.

И хотя Г. Миквиц и М. Блок, А. Пиганьоль и Г. ван-Вервеке единодушно признают разящий контраст между наличием огромного количества золота, что засвидетельствовано многочисленными документами IV—V вв., и ростом цены на золото, они не находят этому удовлетворительного объяснения.

А. Альфёльди, например, объясняет этот контраст (и это объяснение частично принимается и другими современными историками) увеличением льгот, данных солдатам, и растущим обеднением налогоплательщиков¹⁹. Объяснение, данное А. Пиганьолем, состоит в констатации существования двух различных общественных слоев, имевших противоположные интересы. Французский историк считает, что народная масса должна была довольствоваться монетой, выпущенной во время инфляции; богачи же жили в мире других цен, установленных на основе золота²⁰. От

¹⁵ E. Condurachi, Le prix de l'or au début du Ve siècle. *Revue Hist. Sud-Est Eur.*, vol. XIX, 1942, p. 421.

¹⁶ A. Piganiol. *Op. cit.*, p. 2 (отдельный оттиск).

¹⁷ *Cod. Theod.*, XIII, 2.1.

¹⁸ *Cod. Theod.*, VIII, 4.27.

¹⁹ A. Alföldi, *Die Kontorniaten*. Budapest, 1943, S. 40; ср. САН, XXII, p. 220.

²⁰ A. Piganiol. *Op. cit.*, p. 4.

такого положения до признания черной биржи остается один шаг, и Пиганоль действительно говорит о черной бирже. И не удивительно, что историку, прожившему годы второй мировой войны во Франции, казалось, что он имеет дело с хорошо знакомым по личному опыту явлением. Но, понятно, что обосновать эту модернизацию древней истории нельзя никакой, даже самой «свободной» интерпретацией того или иного отрывка из древнего автора (в данном случае из Авсония)²¹. Идти этим путем нельзя, как нельзя идти и той дорогой, которая считается многими буржуазными историками во главе с У. Сестоном²² более заслуживающей внимания: на нее-то как раз и указал Маццарино. По мнению итальянского ученого, закон спроса и предложения привел бы в конце концов к определенной «устойчивости» в соотношении между золотыми и серебряными монетами, с одной стороны, и медными — с другой, если бы рынок мог сохранить полную свободу от вмешательства римского государства. Воздействие римской «централизованной экономики», подчеркивает Маццарино, имело только разрушительные, «катастрофические» последствия для нормального движения цен и обращения товаров, и лишь так называемая «либеральная экономика» могла обеспечить нормальные экономические условия. Автор не скрывает, что, по его мнению, установлению подобной экономической «стабилизации» должно было бы предшествовать разорение народных масс, болезненное, но необходимое. Политика «планирования хозяйств», якобы примененная финансовыми органами империи, помешала «благоприятным возможностям» такой стабилизации, не предотвратив в то же время разорения тех слоев населения, которых, начиная с правления Септимия Севера, мы встречали в источниках под именем *tenuiores*.

Если я остановился, может быть, и несколько дольше, чем следовало бы, на этих рассуждениях итальянского историка, то это не было сделано лишь из желания познакомить читателя с его «теорией», своеобразно отражающей представления автора о современной экономической действительности и по существу порожденной реакционной позицией его класса (я, конечно, далек и от того, чтобы вовсе отрицать значение работ Маццарино, которые интересны главным образом привлечением, а отчасти и интерпретацией некоторых источников).

Но при всей своей методологической беспомощности работы всех упоминавшихся выше историков содержат значительное количество данных. На основании этих данных, в частности, можно сделать вывод, имеющий для нас сейчас первостепенное значение, а именно, что тогда, когда идет речь о процессе обращения в тех местностях Римской империи, где в IV—V вв. продолжала существовать городская жизнь и присущие ей формы рабовладельческого хозяйства, экономические отношения характеризовались денежным, а не натуральным обменом. Но отсюда в свою очередь, следует, что коль скоро в денежном обращении встречаются явления, противоречащие общим его законам, характерным для данной формации, мы вправе констатировать, что это является признаком разложения не только государственной администрации, но и самой рабовладельческой экономики.

Прежде всего нужно обратить внимание на явление, которое часто встречается в денежном обращении в окраинных провинциях империи (исследователи, однако, не отметили его нигде, если не говорить о Египте). С середины IV в. в этих районах обращалось много монет, которые было

²¹ Ausonius. Ep. Liber XXII, 20.

²² W. Seston. Op. cit., p. 434 sq.

бы правильно называть не императорскими, а мнимоимператорскими, поскольку нельзя считать, что их чеканили в официальных мастерских империи. Варваризованная иконография на лицевой и оборотной стороне монеты, легенда — подчас неразборчивое подражание латинским буквам на императорских монетах — все это доказывает, что данные монеты либо принадлежали вождям варварских племен, обитавших на границах Римской империи, либо чеканились римскими военачальниками из пограничных провинций²³. В эпоху, когда политические затруднения препятствовали регулярной доставке денег из столицы или из ближайшей монетной мастерской, выплата жалованья войскам и варварам-федератам производилась этими монетами, чеканенными по приказу и под наблюдением военачальников. Чаще всего подражали монетам Константина I, пользовавшимся большим доверием. Независимо от мотивов, которые породили такое положение, — будь то затруднения в доставке надлежащей суммы денег или личная инициатива некоторых начальников в придунайских или других периферийных провинциях Римской империи, — во всяком случае мы имеем дело с фактом нарушения императорской регалии, и последствия этого будут заметны в ближайшие века. В некоторых случаях связь между появлением этих мнимоимператорских монет и все более заметным ослаблением центральной власти обнаруживается как будто уже и в V в., например в Египте. Обширные районы в долине Нила превращались фактически в подобие будущих феодальных уделов, где их правители сами собирали доходы, чеканили монету, осуществляли суд и административную²⁴.

Анализ кладов, относящихся к периоду с конца IV в., в частности из придунайских провинций, позволит нам констатировать еще один факт, интересный для общих выводов по проблеме, поставленной в данной статье.

Некоторые клады этого времени содержат самые разнообразные бронзовые монеты, чеканенные в очень отдаленных и разбросанных по всей империи мастерских. Так, большой клад, найденный в Плевене (Болгария), содержит бронзовые монеты эпохи Галлиена и Проба, чеканенные в мастерских Рима, Антиохии, Кизика, Лондиния, Сердики, Сисции и Тарраконов²⁵. Другой клад, найденный во Вранике (Югославия) и относящийся ко времени Константина II — Магненция, содержит монеты, чеканенные в Константинополе, Фессалонике, Аквилее, Никомидии, Иллирике, Косе, Гераклее, Антиохии и Трире²⁶. Несомненно, оба клада как-то были связаны с императорскими войсками, находившимися в этих провинциях. В состав других кладов входит и значительное количество разных бронзовых монет, чеканенных в различных греческих городах задолго до времени, к которому относятся эти клады. Такой их состав уже невозможно объяснить присутствием войск. Мы имеем здесь дело с таким явлением из области монетного обращения, которое проявляется и принимает определенные черты в особенности в Египте в последние века существования Римской империи. Употребление этих монет в эпоху, когда давно уже не существовало независимости греческих городов, не могло, конечно, происходить в точном соответствии с той стоимостью, которую они имели в момент чеканки. По существу это же самое явление «феодалного обращения»²⁷, с более отчетливой формой которого мы встречаемся в V и по-

²³ Ср. E. Condurachi. Fenomene premedievale în circulația monetară romană din regiunea dunăreană. Balciana, vol. VII, 1944, p. 56.

²⁴ G. Milne. Feudal currency in Roman Egypt. Ancient Egypt, 1926, March, p. 8.

²⁵ Н. А. М у ш м о в, в: Известия на Българ. археол. институт, I, 1921—1922, стр. 239.

²⁶ J. Brunsmid. Vjestnik Hrv., II, 1896—1897, p. 1—42.

²⁷ G. Milne. The currency of Egypt in the fifth century. Num. Chron., V, 21, 1926, p. 62—63.

следующие века в Египте, а также и в самих придунайских областях. Суть его заключается в том, что монеты, прежняя ценность которых была забыта, продолжали быть в обращении на правах обыкновенных слитков металла, простых фишек, как их называет английский нумизмат Милн. Только таким путем можно объяснить присутствие в кладах, найденных в Иллирике, бронзовых монет различных императоров, а также различных греческих городов. Во всяком случае находки этих монет нельзя считать доказательством существования торговых связей между этими городами и Иллириком, так как, с одной стороны, греческие города в эти годы уже не чеканили монеты, а с другой — денежные реформы IV в. привели в негодность большую часть монет предыдущих веков, лишившихся доверия, необходимого для широкого обращения.

Самым поучительным с этой точки зрения является большой клад, найденный в Виминации, близ Белграда. Он содержит более 100 000 монет и является наиболее достоверным отражением экономического положения империи в середине V в. 20 000 монет удалось идентифицировать; самые древние из них относятся к эпохе Калигулы, самые поздние — ко времени Флавия Виктора и Евгения. Мастерские, в которых чеканились эти монеты, находились в самых различных городах: Антиохии, Кизике, Сирмии, Александрии, Никомидии, Геракле, Трире, Лугдуне, Арелате²⁸. Два факта доказывают, что мы имеем дело с монетами, потерявшими обозначенную на них стоимость, переставшими по существу быть деньгами и обращавшимися в V в. лишь в качестве металлических слитков:

1. Среди монет есть много «*minimi*», похожих на найденные в Египте; их «варварская» чеканка не позволила бы их идентифицировать даже в период, когда они были пущены в обращение.

2. Некоторые из монет разрезаны на две, три или четыре части, что было сделано, вероятно, в момент кризиса мелкой монеты. В отличие от аналогичных фактов, имевших место в Галлии в I в. н. э., в последний период Римской империи разрезанные монеты играли ту же роль, что и египетские «*minimi*», т. е. являлись простым орудием обмена, не имевшим номинальной стоимости.

В данной статье нас интересует роль, которую играли эти монеты в денежном обращении Иллирика той эпохи, а также своеобразный вид этих орудий обмена, форма и стоимость которых отличали их куда больше от монет предыдущего века, чем от тех, которые были распространены в средние века в Восточной Европе. Эти новые явления денежного обращения в балкано-дунайских областях последних веков Римской империи свидетельствуют, что в пограничных районах империи уже в IV в. были заметны явные признаки экономического распада и что в ходе этого процесса на территории империи появляются новые черты экономической жизни, которые, можно считать, предвещают средние века²⁹.

Оставив в стороне вопрос об императорской политике по отношению к городам, можно сделать следующие три вывода:

1. Критический анализ письменных документов и археологических данных, касающихся денежного обращения в различных районах Римской империи в IV—V вв., позволяет утверждать, что некоторые явления, характерные для рабовладельческого строя в его классической форме, еще сохранились в то время, несмотря на тяжелый кризис, охвативший Римскую империю в конце ее истории.

²⁸ E. Gren. *Der Münzfund von Viminacium. Skrifter Utgivna av K. Vetenskaps Samfundet i Uppsala*, 29.2, 1934.

²⁹ E. Condurachi. *Op. cit.*, p. 62.

2. Императорское правительство стремилось постоянно покровительствовать денежному обмену, укрепляя традиционную для Римской империи хозяйственную основу рабовладельческого государства. С этой точки зрения особенно показательны не только императорские эдикты относительно цен (таковы, например, знаменитый *Edictum de pretiis rerum venalium* Диоклетиана или эдикт Юлиана, сохраненный на надписи в Тимгаде), но и возрастание числа штрафов и налогов, установленных в деньгах, а не в натуре.

3. Монетные находки, исследованные историками, позволяют нам проследить шаг за шагом развитие той неизлечимой болезни, от которой страдало римское общество и которая не могла привести к иной экономической и политической форме жизни, нежели та, которая несколько веков спустя стала характерной для Византийской империи.
